

Даже слабый свет не позволял разглядеть лица друг друга, но постоянное впечатление позволяло представить их выражения.

Ту Цзинь кусала ухо Сяо Юй, стоя на её ноге и обнимая её. Она была похожа на змею, а Сяо Юй — на молодое деревце.

К сожалению, оно было слишком молодым и не могло выдержать такой страсти, быстро сдаваясь.

Сяо Жун обняла Цзин Тяньюэ за талию. В тусклом свете, на изображении с камеры, рука Сяо Юй дрожала.

На площадке было тихо, настолько тихо, что можно было услышать дыхание двух женщин. Эротизм взрывался в тишине, превращаясь в неустойчивые шаги, каждый из которых был борьбой. Когда они добрались до двери комнаты Ту Цзинь, её платье уже сползло до талии.

Она прижалась к руке Сяо Юй, их нежная кожа слилась, словно она хотела вдавить её руку в свои изгибы.

— Где ключ? Хватит тереться.

Сяо Юй поняла, что недооценила Ту Цзинь. Её нос был заполнен ароматом этой женщины, дешёвыми духами, от которых могла закружиться голова.

Неужели мужчины возвращались к ней из-за этого головокружения?

Включая её ужасного отца.

Лицо отца промелькнуло у неё в голове. Ту Цзинь достала ключ из сумки. Сяо Юй схватила её руку и повернула, сказав:

— Я не могу больше терпеть.

Дверь открылась и с грохотом закрылась. Пыль витала в воздухе, а на лбу Сяо Жун выступил пот.

Фан Чунмэй ещё не сказала «стоп».

Режиссёр не сказала остановиться, и актёры не могли прекратить. Несколько камер были установлены в разных местах, что заставляло Сяо Жун нервничать.

Поскольку Цзин Тяньюэ была слишком откровенна, многие сотрудники ушли.

Сяо Жун была прижата Цзин Тяньюэ к двери. Следующая реплика застряла в горле, а мягкое тело женщины снова обвилось вокруг неё. Она даже почувствовала, как рука Цзин Тяньюэ проскользнула под её футболку и сжала её талию.

В то же время пошли нежные поцелуи.

Сяо Юй должна была сказать:

— Я не мужчина.

Сяо Жун дрожала всем телом, и Цзин Тяньюэ, конечно, это почувствовала. Она думала, что

Сяо Жун буквально горит.

Эти слова прозвучали дрожащим голосом, словно борьба, но также как итог.

Сотрудники на площадке едва дышали. Хотя они и знали, о чём этот фильм, и не раз работали на съёмках сцен с постелью, но они никогда не видели, чтобы две женщины играли так.

Цзин Тяньюэ была настоящей соблазнительницей.

В кадре она была полна эротизма, но Сяо Жун тоже не отставала. Она была спокойна с самого начала, но это не было безразличием, её эмоции были в глазах. Особенно в этот момент, при тусклом свете, без включённых ламп, два силуэта, слившиеся воедино, и лёгкая дрожь Сяо Жун производили сильное впечатление.

Эти пять слов выкатились из её горла, как камешки, с лёгким всхлипом.

Ту Цзинь, конечно, знала. Она была зверем, ищущим удовольствия. Она начала заниматься этим в подростковом возрасте, сопротивлялась, отчаивалась, а теперь была практически безразлична.

Её путь отличался от других. В этой сфере тоже была иерархия, и быть любовницей было лучше, чем обслуживать грязных мужчин.

Более высокий уровень — это когда ты играешь с мужчинами, но в этом мире все играют с судьбой, и у неё не осталось других мыслей, кроме как жить и выживать. Слово «достоинство» давно перестало быть для неё актуальным.

Впервые за много лет её сердце дрогнуло, и это разожгло скрытое в ней желание разрушения.

— Какая разница?

Голос Цзин Тяньюэ был низким. Она начала курить тайком ещё в средней школе, и тогда у неё были безумные моменты, которые немного испортили её голос. Но позже она позволила этому развиваться, и это стало частью её очарования.

Сяо Жун была в поту, ей казалось, что всё тело липнет. Цзин Тяньюэ взяла её руку и повела вверх.

Мягкое прикосновение заставило её дрожать ещё сильнее.

— Ну что, хорошо?

Её губы снова приблизились. Как змея, язык коснулся губ Сяо Юй.

Сяо Юй открыла рот и, наконец, не выдержав, оттолкнула её. В комнате посыпались вещи со стола, упала вешалка, и они упали на кровать.

Ту Цзинь засмеялась от удовольствия, раздвинув ноги и обвив ими талию Сяо Юй. Окно было открыто, и хотя на улице уже стемнело, это было не то, что хотела Фан Чунмэй.

Она сказала «стоп».

Сяо Жун сразу же отпустила её, отвернулась и начала тяжело дышать.

Цзин Тяньюэ всё ещё лежала на кровати. Она оперлась на локоть и ткнула Сяо Жун в щеку:

— Ты ещё не встала?

Сяо Жун очнулась. Увидев, как Цзин Тяньюэ поправляет одежду, надевает бретельки, она не посмела смотреть дальше, вскочила с кровати. Пузырёк поспешила к ней, увидев, что та вся в поту.

— Жарко, да?

Да, было жарко. День был настолько душным, что казалось, вот-вот начнётся гроза, а в помещении было ещё жарче, и не было кондиционера.

Сяо Жун вытерла лицо и села пить воду.

На этой сцене работали всего несколько сотрудников, учитывая присутствие Цзин Тяньюэ.

Сяо Жун сидела, опустив голову, и всё ещё тяжело дышала.

Ей казалось, что во рту всё ещё остался вкус зефира, который она проглотила во время поцелуя. А теперь к нему добавился вкус недавно съеденной кислой конфеты, и её начало тошнить.

Цзин Тяньюэ сидела рядом с Фан Чунмэй, наблюдая, как Сяо Жун, прикрыв рот, поспешно выбежала, а Пузырёк кричала ей вслед, извиняясь, что та плохо себя чувствует.

— Как ты думаешь? — спросила Фан Чунмэй.

— Это вам решать, я не режиссёр.

Фан Чунмэй смотрела повтор. Ей нравились плавные переходы, и в этой сцене эмоции и атмосфера были на месте, но свет был не очень, возможно, потребуется постобработка.

— Неплохо.

Цзин Тяньюэ кивнула:

— Вы тоже, только второй день, а вы уже заставляете её снимать такие сцены. Нельзя ли подождать? Она чуть не упала в обморок.

— Чем раньше привыкнет, тем лучше.

Цзин Тяньюэ усмехнулась. Она взглянула на крупный план Сяо Жун. Та закрыла глаза, и тусклый свет делал её ещё более хрупкой, но уголки губ были сжаты, и упрямство было очевидным.

Действительно, она была очень сексуальна, и если бы она была Ту Цзинь, то тоже не смогла бы устоять. У Сяо Жун была мягкая, но сильная натура, которая вызывала желание защищать и одновременно разрушать, хотелось увидеть, что скрывается под её поверхностью.

Но она была хорошей младшей коллегой, и Цзин Тяньюэ, даже если и испытывала к ней симпатию, не стала бы вмешиваться.

Она была своевольной, но знала меру. И, учитывая, как Сяо Жун смотрела на неё, словно на

тигра, она не стала бы подходить.

А то, что её чуть не стошнило? Она чуть не потеряла сознание.

Они же обе женщины. Неужели от пары поцелуев можно так расстроиться? У современных артистов слишком слабые нервы.

Судя по всему, она сама пожертвовала больше, ведь Сяо Жун даже не раздевалась.

Чжоу Чжоу подала Цзин Тяньюэ влажные салфетки и спросила, не хочет ли она выйти подышать.

В помещении было душно.

Цзин Тяньюэ вышла в коридор. На улице уже шёл дождь, и гремел гром.

Это место находилось рядом с киногородком, позже его выкупили, и теперь здесь никто не жил. Фан Чунмэй специально выбрала его. Ей нравилась эта грязь и разруха, и когда Цзин Тяньюэ впервые снималась в её фильме, она даже устроилась на работу в чёрную мастерскую, чтобы почувствовать жизнь работницы.

Ранние подъёмы, поздние возвращения, её кожа стала грубой. А когда она вернулась домой и Цзоу Тяньхао увидел, как она моет туалет, он чуть не вызвал полицию.

Он думал, что его сестра сошла с ума.

Цзин Тяньюэ лениво вспоминала прошлое. Её взгляд упал на улицу. Сяо Жун вернулась, Пузырёк держала над ней зонтик, они о чём-то говорили, а Сяо Жун всё ещё стояла внизу.

На улице бушевал ливень. Сяо Жун стояла под навесом, привычно закуривая.

Она была высокой, с красивыми бёдрами, но с небольшой грудью. Когда они прижимались друг к другу, Цзин Тяньюэ подумала, что у неё слишком плоская грудь.

Но сейчас в моде такой стиль, и Сяо Жун идеально вписывалась.

Она была невозмутима, только когда её целовали. Её лицо, уши и шея краснели, и от неё веяло юностью, наивностью и соблазном.

Неудивительно, что Цинь Мянью выбрал такую молодую.

Цзин Тяньюэ вздохнула.

Сяо Жун не выкурила всю сигарету. Она просто была раздражена, хотя и не знала, почему, и поэтому курила.

Её чёлка, мокрая от пота, свисала, мешая глазам. Она курила расслабленно, совсем не так, как та скромная младшая коллега, которая была перед Цзин Тяньюэ.

Её нежный образ исчез, и она выглядела даже немного меланхоличной и мрачной.